Москва 13.11.99

Ирина Глущенко Театр стр.

К юбилею театра-студии «Человек»

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ИГРЫ В СКАТЕРТНОМ ПЕРЕУЛКЕ

«Моя тема – человек, который мучается», – говорит Людмила Рошкован

Независимая газета. – 1999 – 13 ноябр. – с. 15

Людмила Рошкован - художественный руководитель театра-студии «Человек». Актриса, режиссер. В 1961 г. окончила студию Театра имени Ленинского комсомола под руководством Михаила Шагирова, в 1965-м – режиссерский факультет. С 1966 по 1973 г. работала в качестве актрисы и режиссера в драматических театрах Москвы и других городов России. С 1974 г. – художественный руководитель театра-студии «Человек».

ЛЮДМИЛА РОМАНОВНА, как-то не верится, что театру-студии «Человек» исполняется 25 лет. В еле уже различимом 74-м году судьба столкнула вас с группой студентов Института связи. Сейчас, четверть века спустя, невозможно представить себе театральную карту Москвы без театра-студии «Человек» в Скатертном переулке, 23-а...

– Все получилось случайно. Встреча со студентами, которые оказались веселыми, невероятно умными ребятами. Спустя короткое время большинство из них перебралось в театральные учебные заведения, получив вторую профессию. Само время подтолкнуло нас к содружеству. Только так тогда можно было выжить. И пошло, пошло, пошло!

– Студия «Человек» пережила несколько этапов: зарождение, подполье, официальное признание, зрительский ажиотаж и снова маргинальное существование...

– Как только наши работы стали достаточно сильными, выбивающимися из художественного и смыслового контекста времени, они стали вызывать раздражение властей, вплоть до того, что многие спектакли были запрещены для публичного исполнения. Пришлось уйти в подполье. Это был этап сложный, но было ясно, за что, и почему, и для чего. К тому же, «Человек» и не был предназначен для широкой публики, он всегда был довольно закрытым организмом. В 1985 году, когда общественные и политические перемены затронули и культуру, «Человек» оказался в центре внимания театральной общественности, получил официальное признание и помещение – бывшую конюшню в центре Москвы постройки 1902 года. Спектакль «Владимир Маяковский» занял первое место на фестивале «Театральные игры в Лефортове», а спектакль «Эмигранты» был назван лучшим спектаклем года... Что касается ажиотажа, то он действительно был. Начался он еще в те времена, когда зрителей на спектакли пропускали по спискам. Не говоря о том, что в театре шли Ружевич, Мрожек, Мандельштам... В конце 80-х молодые актеры и режиссеры получили возможность открыто пробовать свои силы в режиссуре: Роман Козак поставил «Чинзано» и «Елизавета Бам на елке у Ивановых». Сергей Женовач – «Панночку». Круг зрителей расширился. А следующий этап – маргинальный – можно объяснить неумением и невозможностью заниматься рекламой. Прежде, казалось, существует некий вкус, критерий, когда ясно, что художественно, а что – нет. Сейчас критерий художественности подменен. Так называемая театральная элита сама выбирает режиссеров и театры, которым следует уделять внимание. Остальные – пусть отдыхают.

Людмила Рошкован...

– Очень многие сколько-нибудь заметные режиссеры и актеры из поколения сорокалетних так или иначе прошли через студию или соприкоснулись с ней на каком-то этапе. Как вы видите это творческое поколение, в чем его специфика – ведь вы его в значительной степени формировали?

– Ну это громко сказано. Их формировала жизнь. Я мало хожу по театрам, время не позволяет. Но когда приходится, огорчаюсь, что многие не только не сделали лучше того, что пробовали здесь, а просто дезориентированы. На мой взгляд, заявки в «Человеке» были сделаны более мощные.

– Несколько лет назад с вам пришел Виктор Шамиров и выпустил спектакль по пьесе Островского «Не все коту масленица». Понятно, что так свежо поставить Островского в академическом театре было бы невозможно.

– Пришел, предложил! «Человек» и Островский – такое сочетание показалось мне забавным. Спектакль Шамирова «Дон Жуан» в Театре Российской Армии можно принимать, можно не принимать. Но то, что режиссер мыслит неординарно, позволило принять его предложение.

– Вокруг малой сцены в критике и в самом театре существует много мифов. Правда ли, что есть режиссеры или актеры, которые рождены для малой сцены?

– Это придуманная история. Спектакли студии «Человек» выпускались и на больших сценах. В ДК «Красная звезда» – зал на восемьсот мест. Именно там вышли «Картотека», «В открытом море», «Смерть Тарелкина», «Маяковский». Мы играли и на сцене Театра на Таганке. Для меня было катастрофой перестраиваться на конюшню в Скатертном. Да и вообще, что такое малая сцена? Есть камерные спектакли, которые обладают своей энергетикой, атмосферой и требуют иной манеры общения...

– Вырабатывается своя эстетика?

– Конечно. Есть эстетика пространства. Здесь нужно совершенно по-другому существовать, искать другой язык, другие выразительные средства. Это пространство до такой степени сурово, оно дает так мало возможностей, но именно его ограниченность будит фантазию. Каждая работа требует иного пространственного решения.

– Считаете ли вы себя педагогом?

– Да нет, конечно. Я не знаю, что такое педагог. Надо просто вовремя поддержать человека, если можешь... Я это хорошо понимаю, потому что сама нуждалась и нуждаюсь в поддержке.

– Как складываются ваши внешние отношения с властью?

– Так же тяжело, как и раньше. Время продиктовало властям другой способ разговора с театром. В какой-то момент вполне могли сказать, чтобы освободить место для своих. Раньше нас запрещали. Теперь театр с властью переписывается. Еще в 1989 году Моссовет своим решением передал театру помещение. В соответствии с этим решением строительство нового здания театра должно было быть завершено к 1993 году. Лужков взял этот вопрос под контроль. Но департамент муниципального жилья незаконно разрешил приватизацию квартир аварийного дома, переданного театру, и в результате коммерческая фирма «Президент Бизнес Сервис» перекупила часть квартир. Арбитражный суд трижды решал дело в пользу театра. Однако воз и ныне там. И вот в год своего 25-летия театр загнан в угол. У нас нет репетиционного зала (для того чтобы выпустить спектакль, я должна остановить текущий репертуар), нет помещений для бухгалтерии, администрации, сгнила крыша, нарушена система отопления, в зале холод, кадровые работники театра не имеют жилья. Нужно бороться, а я не умею. Говорить что-то на языке театра – это одно, а ходить, обивать пороги – тяжело и унизительно.

...и ее легендарная труппа.

– Эта ситуация сказалась как-то в «языке» вашего театра, в вашей тематике?

– Может быть. Я не знаю, как сформулировать... Безысходность. Человек в своей мучительной попытке как-то приспособиться к жизни, к социуму, в данном случае, здесь, в России. А тема... Человек, двуногое, странное существо, карабкается, пытается понять, зачем его выбросило сюда; должна же быть связь с тем, кто ведет, – кукловод ли это, творец... Ты выкинут – а дальше? Обрыв. Жалкое существо человек. Я не могу избавиться от ощущения бессмысленности – и конца. Когда входит в человека печаль, – а она входит очень быстро, – то это навсегда. Вот она, эта тема и есть. Это не тот человек, который звучит гордо. А тот, что мучается.

– Когда-то в этом зале играли Александр Куликов, Сергей Качанов, Александр Феклистов, Сергей Баталов, Роман Козак, Сергей Тарамаев, Дмитрий Брусникин, Ирина Розанова... Сегодня в студии идут «Ночные бдения» – именно в этом спектакле дебютировала Камий Кайоль; «Стриптиз» с Валерием Гаркалиным – он был приглашен в театр, когда еще не был звездой; «Не все коту масленица» – с одним из ведущих актеров Малого театра Валерием Бариновым и актрисой «Сатирикона» Агриппиной Стекловой; «Клопомор» – с Алексеем Агаповым, пришедшим сюда из театра «Сфера», Дмитрием Лямочкиным из «Сатирикона» и Любовью Горбатовой, которая получила первую премию на фестивале «Московские дебюты»... В студию приходят новые режиссеры, новые актеры. Но вы остаетесь.

– Это тяжело. Каждый раз рождение и умирание... 25 лет – странное ощущение. 25 лет! А было ли? Как у Мрожека, в «Стриптизе»: «*Что это было?.. Что-то опрокинуло меня на землю... А может, не на землю? А может, и не опрокинуло? Целый клубок загадок. Не знаю даже... А было ли это опрокидывание нормальным, классическим, достойным подобного определения? Но я почувствовал себя опрокинутым, лежащим и в то же время... каким-то таким... Недоопрокинутым*». Вот так я себя и ощущаю. Понимаете?